

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Алексѣй Ремизовъ. Взвихренная Русь. Изд. «Гайръ» - Парижъ 1927

Алексѣй Ремизовъ издалъ за границей (по русски, не считая переводовъ) двадцать шесть книгъ. До этого, въ Россіи, онъ издалъ тридцать. Одна книга печатается и девять (какъ значится въ перечнѣ) «ожидаютъ самоотверженнаго издателя».

Это, конечно, рекордъ писательской плодovitости нашего времени. И все же Ремизовъ не принадлежитъ къ числу популярныхъ русскихъ писателей. Книгами его не зачитываются, и гораздо чаще говорятъ о «ремизовскихъ чудачествахъ», чѣмъ объ его произведенияхъ, мало кому понятныхъ и многимъ совсѣмъ недоступныхъ.

Виною этому — характеръ Ремизовскаго гворчества, его оригинальность, кажущаяся парочной, его раздражающая юродивость, мапера интимныхъ выпадовъ, никогда никого не оскорбляющихъ, но для всѣхъ безпокойныхъ. Миръ этого писателя, столь замкнутого въ жизни личной, столь преданнаго единой жизненной задачѣ — своеобразной культурѣ слова, мало кому доступенъ и для широкой читающей публики совершенно чуждъ. Ремизова боятся, боятся сложной формы его повѣствованія, и, не понимая его — ему не довѣряютъ. Поэтому въ современной литературѣ русской, въ особенности зарубежной, онъ выдѣленъ, изолированъ, одинокъ. У него есть подражатели, можно ламбтить даже цѣлую «ремизовскую школу» среди писателей молодыхъ, и здѣсь и въ Россіи, — но, подражая его манерѣ, никто не возвысится до скрытой глубины его письма, и врядъ ли многіе ее поняли и оцѣнили.

Новая книга А. Ремизова «Взвихренная Русь» — книга совершенно исключительная, опять странная, опять трудная, смущающая, испытующая, но пронизанная высокой человѣчностью, ослѣпленная тѣмъ свѣтомъ откровенія, который дается мученичествомъ, вѣрише — сомученичествомъ въ страшнѣйшемъ изъ застѣнковъ — въ застѣнкѣ людскаго быта. Книга эта рождена въ революціи и останется ея памятникомъ. Это — запись кошмара, многими пережитого, но немногими оправданнаго. Она останется непонятной для тѣхъ, кто не пережилъ въ Россіи страшныхъ 18-20 годовъ революціи и кто не видѣлъ ихъ снизу, изъ глубины человѣческой мясорубки, изъ подъ пресса, а не со стороны или съ высотъ командующихъ .

Разсказать книгу Ремизова невозможно. Тому, кто ее только перелистаетъ, она покажется наборомъ мелкихъ разсказиковъ, сценокъ, чудачествъ, отступленій случайныхъ записей, неправдоподобныхъ сповѣ, нестрашихъ подлинными именами. Время отъ времени тонъ быговой

повѣсти или нарочитаго гаерства переходить въ неожиданную, высокую, какъ бы даже преувеличенную лирику и вновь завершается какой то замѣткой, годной для газетнаго отдѣла курьезовъ и анекдотовъ. Нужно привыкнуть къ письму Ремизова, чтобы прежде, чѣмъ дойдешь до послѣдней умирогворяющей страницы, идѣ то на полустрокъ, внезапно — но съ полной ясностью — понять, что вся эта суета манеры, вся эта неслитая смѣсь быта и бытія, бодрствованія и сна, крови и анекдота, великаго горя и мизерныхъ радостей, — все это и есть олицетвореніе въ вихренной Россіи, той самой, которую мы воочію видѣли и горю которой приобщились.

Есть у Ремизова свой герой: малюсенькій человекъ, копошашійся въ огромной исторіи, щелка, которую вертигъ горный потокъ. Человѣчекъ цѣпляется за жизнь, обрывается, падаетъ, ползетъ, опять ршится, — но живучій — не забываетъ любить, умиляться, юродствовать и подсмѣиваться надъ горемычной своей судьбой. У него есть предѣльное горе и предѣльныя радости; но предѣловъ этихъ не пойметъ тотъ, кто самъ не вертѣлся въ воронкѣ российской жизни той поры. Голодь, холодъ, униженіе, — все это переносимо, къ этому можно приспособиться; но перейдешь предѣлъ, когда «псизвѣстная собака навалила величайшую кучу», и кучу эту человекъ долженъ убрать («Труддезертиръ»); тутъ спасти его можетъ только чудо, — и чудо приходитъ. У него есть предѣльныя, перажакшія, освящающія жизнь радости, другимъ непонятныя: «Быль трубачистъ, не бывшій годъ!». Когда предѣлы горя перейдены, униженный рологъ человекъ переходить въ книгѣ Ремизова въ плачь Іереміи: «О, моя обреченная родина, пошатнулась ты, неколебимая, и гвоя царская багряница упала съ твоихъ плечъ. За какой грѣхъ или за какую смертную вину? О, родина моя, надѣленная жестокой милостью ради чистоты твоего сердца, поверженная лежишь ты на зеленой муравѣ, вижу тебя, въ гари пожаровъ подъ пулями, и косы твои по землѣ рассыпались... Скорбь моя безпредѣльная. И время пропало, нѣтъ его, кончилось». Но есть и свѣтъ, другимъ невидный и невѣдомый, спасающій въ минусу предѣльнаго отчаянья.

Идетъ дѣвочка съ бутылкой, а впереди какой-то тоже съ бутылкой.

дѣвочка повернула на 12 линію, а тотъ было датыше — —

— Дяденька! — окрикнула дѣвочка, и слышу шикотомъ. — тутъ керосинъ продають.

И я подумалъ:

«Можно еще жить на свѣтѣ!»

Человекъ не полюбъ, пока онъ, не имѣя, чѣмъ помочь, не имѣя, чѣмъ подѣлиться — дѣлится добрымъ словомъ. О великомъ свѣтѣ, озарившемъ сердце рассказываетъ Ремизовъ въ маленькомъ отрывочкѣ «Рыбій жиръ». Въ аптеку очередь, въ очереди учитель Балдинъ, вытянувшій шею къ прилавку — хватить ли на его долю пузыречка съ рыбьимъ жиромъ, такого, «какъ іодъ отпускаютъ, не больше». И вотъ, когда учитель получилъ свою долю, и свой пузырекъ лекарства получилъ авторъ, — «и ногъ все у меня переверну-

лось. И я почувствовалъ, какъ свѣтъ хлынулъ. — И этого свѣтъ, наполнивъ мнѣ душу, озарилъ всю улицу — всѣ улицы, по которымъ я шелъ изъ аптеки со своимъ лекарствомъ.»

Радость за другого, помощь другому, хотя бы словомъ. «Ласковымъ словомъ надо дѣлиться!» И отъ одного сознанія, что это нужно и можно — крылья вырастаютъ у робкаго и забитаго. «У меня тоже нѣтъ ничего и мнѣ нечѣмъ дѣлиться — я уличный, побиральщикъ! — но у меня есть — и оно больше всякихъ богатствъ и запасовъ — у меня есть слово! И этимъ словомъ я хочу подѣлиться: сказать всему разрозненному, избѣдовавшемуся міру: — человѣку, потерявшему въ отчаяніи безпросвѣтно — человѣку, съ завистью мечтающему о звѣряхъ — человѣку, надающему отъ непосильнаго труда въ жесточайшей борьбѣ — быть на землѣ человѣкомъ — уста въ уста и сердце к сердцу!»

И правда, ласковымъ словомъ этимъ проникнута вся книга Ремнизова, рожденная въ дни отчаянія и озаренная мягкимъ, лучистымъ свѣтомъ надежды. Что бы ни было — «неугасимые огни горятъ надъ Россіей!».

Изумительный образъ Россіи даетъ онъ въ очеркѣ «Бабушка», служащемъ какъ бы предисловіемъ ко всей книгѣ. ъдетъ въ вагонѣ костромская старушка со скорбнымъ лицомъ и кроткими глазами. Прилегла отдохнуть на узкой твердой скамейкѣ, заснула. Пожалѣла ея лавочница, разбудила, подложила подъ нее тонкое одѣяльце, — и никакъ бабушка не можетъ заснуть. «Бабушка наша костромская. Россія наша, и зачѣмъ тебя потревожили. Успокойся вѣдь, и хорошо тебѣ было до солнца отдохнуть такъ, нѣтъ же, расголкали» Все же заснула, наконецъ, старуха. «Ихъ и пусть отдохнетъ, измаялась, измучили ее, истревожили. А чуть свѣтъ, подымется лавочница, возьмется добро свое складывать, хватится одѣялишка, пойдетъ, вытащить изъ подъ старухи подстилку эту мягкую, разбудитъ старуху, подыметъ на ноги: ни свѣтъ, ни зоря, а изволь вставать. Ничего не подѣлаешь. А пока — спи бабушка, костромская наша, мать наша, Россія!»

Россія — «разговоръ на долгіе годы, а споръ безконечный. Всякій тутъ свое — и по своему правъ». Многие потеряли все. Но писателю кажется, что онъ ничего не потерялъ, такъ какъ у него ничего и не было. У него ничего не отняли.

«Какъ не отняли? Да вы же потеряли больше, чѣмъ землю, домъ и деньги. вы лишились тѣхъ условій работы, при которыхъ вы писали.»

«Да, я тоже потерялъ. А вѣдь мнѣ и въ голову не приходило. Конечно потерялъ. Ну, а мои чувства — жарчайшія чувства, и слова, вышедшія изъ этихъ чувствъ, и мои слы — это я получилъ въ жесточайшіе дни и пропадь!»

Не отъ того ли онъ столько вышедшій, присмелеть бурю («Въ концѣ концовъ»)?

«Знаете, что я замѣтилъ, и не только на себѣ, а и на тѣхъ, кто пропелъ революцію въ Россію — мы вѣдь всѣ вродѣ какъ заворожены! — и вотъ чуть только повѣетъ вѣсть о какой-то надвигаю-

щейся въ мирѣ грозѣ, и вдругъ тебѣ станегъ весело.» «Знаю! — если бы революціи «освобождали» человѣка, какой бы это былъ счастливый человѣкъ! — знаю, никакія революціи не перевернутъ, ну, скажу такъ . судьбы, которую конемъ не объѣдешь.» И все таки — или это отъ тѣсноты невозможной, въ которой живемъ мы? — когда подымается буря...»

Такъ говоритъ человѣкъ, который «по своему малокровію и смертельной зябкости», «по душевной своей недрогости», человѣкъ, которому «больно отъ кошачьяго писка, не только тамъ отъ чело-вѣческихъ», и который, поэтому, «за самыя нерушимыя китайскія стѣны», и чтобы «все было такъ, какъ есть, плохо ли, хорошо ли, только бы неизмѣнно и нерушимо». Такъ говоритъ онъ потому, что пройдя черезъ огонь и душливый дымъ революціи, опаленный, измученный, полужадушенный, — онъ никогда не можетъ позабыть ярчайшаго свѣта, озаряшаго труднѣйшія минуты жизни, свѣта, рождающагося только въ стихіи огненной бури, другимъ незнакомаго. Такъ говоритъ писатель, который «жарчайшія чувства и слова» свои получилъ въ потокѣ жизни, крутившемъ его, какъ жалкую щепку. Да, не общимъ языкомъ говоритъ Ремизовъ!

Въ современной російской литературѣ революціонный бытъ отражеться съ большою яркостью. И тамъ, на мѣстѣ, легче разрѣшны психологическія загадки этого быта. Но російскимъ писателямъ не досгаеть отдаленія и духовной озаренности, которую проникнуты писанія Ремизова. Они отличныя бытовики-фотографы, но оцѣнка быта, въ которомъ они сами живутъ и крутятся, имъ пока не доступна. Отсюда грубоватость и жесткость ихъ подхода къ людямъ (рассказы П. Романова). Ремизовъ, уйдя изъ быта и унеся о немъ память, — освѣтилъ эту память свѣтомъ любви, вѣры и человѣчности. И бытъ можетъ главное — свѣтомъ вѣры. Поэтому его книга, обильная страшными деталями революціоннаго быта, часто подводящая къ порогу отчаянія, «въ концѣ концовъ» не только полнѣе даетъ эпоху революціи, но и находитъ для эпохи и для революціи лучшія слова оправданія. Вѣра дастъ ему то, чего не могутъ имѣть утратившіе вѣру старую и еще не пріобрѣтшіе новой. Изъ огня и полымя эта его вѣра вынесена невредимой и сто кратъ озаренной.

Мих. Ос.

Пушкинъ въ міровой литературѣ. Сборникъ статей. Государственное Издательство. 1926. Стр. 408.

Этотъ сборникъ является весьма цѣннымъ вкладомъ въ быстро разрастающуюся спеціальную литературу по пушкиновѣдѣнію. Статьи, въ немъ помѣщенные, представляютъ собою детальныя и весьма содержательныя изслѣдованія тѣхъ сторонъ творчества Пушкина, которыми оно соприкасалось съ современными ему теченіями міровой литературы. Все эти статьи можно подраздѣлить на три группы. Статьи первой группы посвящены изслѣдованію вопроса о томъ, что и какъ было Пушкинымъ взято отъ иностранныхъ поэтовъ. Статьи